

Т. Н. Галашева

ДНЕВНИК ПИНЕЖСКОГО КРЕСТЬЯНИНА
П. Н. НИКИФОРОВА 1914 г.:
ВОЙНА И ПЛЕН ГЛАЗАМИ СОЛДАТА¹

Резюме

В статье впервые публикуется дневник Прокопия Николаевича Никифорова (ИРЛИ. Пинежское собр. № 754), охватывающий события с 18 июля по 30 декабря 1914 г. В записях отражены мобилизация, первые бои, попадание в плен под г. Опатовом 21 сентября, нахождение в двух немецких лагерях военнопленных. Дневник сохранился в подлиннике, записи делались карандашом в специальном издании для нижних чинов — «Записной книжке». При анализе дневника мы сосредоточились на нескольких особенно интересных темах: образе неприятеля, меняющемся в ходе повествования, противопоставленном общности русских солдат; молитвенных песнопениях как способе самоидентификации Прокопия Николаевича и других пленных; событиях в мире лагеря — слухах, еде, погоде, праздниках и буднях. В качестве контекста к записям Прокопия Николаевича приводятся сходные места из других дневников и солдатских писем. Неизвестно, что случилось с автором дневника в дальнейшем, однако описание Пинежского собрания позволило узнать о жизни П. Н. Никифорова в мирное время: записи на печатных и рукописных книгах говорят об их принадлежности деду, отцу Прокопия Николаевича и ему самому.

Ключевые слова: Первая мировая война, плен, дневник, эго-документ, Ваймуша, Графенвёр, Дрелехранилище им. В. И. Малышева

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10135: «Возникновение и развитие автобиографической традиции в русской письменной культуре конца XVI — начала XX в. в контексте изучения изменений в сознании человека эпохи Нового времени».

THE 1914 DIARY OF THE RUSSIAN PEASANT
PROKOPII NIKIFOROV:
THE WAR AND CAPTIVITY THROUGH THE EYES OF A SOLDIER

Abstract

This is the first publication and study of a diary written by Prokopii Nikolaevich Nikiforov (Institute of Russian Literature, Pinega Collection, no. 754), which covers the period from July 18 to December 30, 1914. The entries describe his mobilization, first battles, his capture near Opatov on September 21, and his stay in two German prisoner of war camps. The diary, which is preserved in the original, was written in pencil in a special "Notebook", a printed edition for the lower ranks. This study focuses on several topics: the image of the enemy, which changes over the course of the diary, as opposed to the general Russian soldiers; prayer chants that served as a means of self-identification for Prokopii Nikiforov and other prisoners; and important aspects associated with camp life — rumors, food, the weather, holidays, and daily routines or incidents. The article examines Nikiforov's notes in the context of similar passages in the diaries and letters of other soldiers. It is not known what happened to the author of the diary after 1914, but the description of the Pinega Collection provides some information about his life in peacetime: notes on printed and handwritten books reveal that they belonged to his grandfather, his father, and Prokopii Nikiforov himself.

Keywords: World War I, captivity, diary, ego-document, Vaimusha, Grafenwöhr, Pushkinskii Dom

DOI 10.31860/2712-7591-2023-2-75-105

Голоса очевидцев — участников Первой мировой войны сохранились в источниках личного происхождения: письмах, воспоминаниях, дневниках. В разных источниках звучат сходные мотивы; отражается повседневность войны и, кроме того, «главное — мысли, чувства, душа человека на войне» [Сенявская 1997, с. 5].

По замечанию публикаторов и исследователей таких документов, они «не столько открывают нам неизвестные детали военной жизни, сколько демонстрируют разнообразие личностей» [Первая мировая война в зеркале эго-источников, с. 11], а также «способствуют выявлению изменчивости (...) приоритетов массового сознания, мотивов социального поведения» [Поршнева, с. 66]. Как отмечает М. В. Друзин, для реконструкции военных будней плодотворным является сравнение источников «как по горизонтали, т. е. когда авторами выступают военные одного ранга, так и по вертикали военной иерархии» [Друзин, с. 198].

Восприятие крестьянами событий войны имело большое значение уже для современников, поскольку именно эта наиболее обширная категория ее участников олицетворяла «народ на войне». Сборник устных свидетельств с таким названием был впервые опубликован в 1917 г. — «теперь, когда мы теряем представление о народе своем, и все кажется таким неожиданным» [Федорченко, с. 4]. С той же целью — составить представление о народе — публиковались крестьянские письма [Молоствова; Чаадаева]. З. Н. Гиппиус, вступив в переписку с солдатами под маской трех петроградских девушек, составила сборник из писем воинов [Комелина]. К. И. Чуковский предполагал, что в солдатских письмах отразилось бы «коллективное, массовое, сплошное лицо», «лик нового Платона Каратаева, широчайший, поэтический образ всемужицкой, всеславянской души» [Чуковский, с. 10], отмечал преобладание психологического материала над фактическим в письмах русских солдат, в противоположность письмам англичан.

Вопрос о «народе на войне» сохраняет свою актуальность и сегодня. Наиболее полное представление о различных темах, отраженных в письмах с фронта, дает труд А. Б. Асташова и П. А. Симмонса (2015 г.), составленный на основе материалов военно-цензурных органов [Письма с войны]. Но если корпус солдатских писем очень обширен, то введенные в научный оборот солдатские дневники малочисленны. Мрачным настроением и обстоятельностью отличается дневник крестьянина Пермской губернии Александра Дмитриевича Сереброва [Первая мировая война в зеркале эго-источников, с. 227–260], который известен только в копиях, рукописной и машинописной. Также в копии сохранился дневник уроженца Вятской губернии Николая Демидовича Мурсатова, иногда напоминающий скорее воспоминания, написанные на основе более ранних записей [Кудрявцев, Соколов 2014; 2016]².

Дополнить имеющиеся источники позволяет архив крестьянских материалов, представленный в Древлехранилище Пушкинского Дома. Некоторые автобиографические тексты эпохи Первой мировой войны из собраний Древлехранилища уже были опубликованы Г. В. Маркеловым, А. Г. Бобровым и В. П. Бударагиным: воспоминания в стихах ярославского крестьянина Григория Филатовича Кругова; мемуары Ивана Степановича Карпова и Степана Артамоновича Ступина, написанные в 1970-х гг., а также созданные по свежим следам записки Семена Никифоровича Томилова [Первая мировая война в устном и письменном творчестве, с. 278–508]. Ценные

² См. также публикации дневников Михаила Сидоровича Анисимова и Нестора Никитовича Белоуса на сайте проекта «Прожито» (<https://prozhito.org>, дата обращения — 17.02.23).

наблюдения о последних двух источниках, имеющих пинежское происхождение, сделаны в статье А. А. и Н. В. Савельевых. В заметках С. Н. Томилова, в целом представляющих собой «однообразное описание маршрута следования войск», в котором переходы, бои и неустроенность быта представлены как «будничная работа», выделяются первая встреча с немцами, описания богослужений, городов и аэропланов. В мемуарах С. А. Ступина практически отсутствуют фактические данные, в их стиле «сочетаются, с одной стороны, традиционные сказовые интонации и формулы, с другой — устойчивые клише советской эпохи» [Савельев, Савельева 2006, с. 144—149].

В настоящей статье публикуется еще один пинежский по происхождению источник — дневник Прокопия Николаевича Никифорова³. Он привезен археографической экспедицией Института русской литературы (Пушкинского Дома) и Ленинградского государственного университета в 1988 г., получен от Анфисы Егоровны Нифантьевой (д. Ваймуша). В описании отмечена трудночитаемость записей: «Текст написан карандашом, в отдельных местах почти стерт» [Савельев, Савельева 1992, с. 457, 460; Савельева 2003, с. 635—636].

Записи ведутся в специальном издании для нижних чинов — печатной «Записной книжке», которая расчерчена на таблицы для платежных отметок («хлебные и крупяные деньги», «выдача мыла натурой», «детское пособие, квартирные деньги» и т. д.), дополнена изображением ранцевого снаряжения солдата, таблицей результатов пристрелки из винтовки⁴. В книжке есть записи чернилами и карандашом за 1909—1912 гг., связанные с прохождением службы. Из них можно узнать, что Прокопий Николаевич холост, грамотный, знает мастерство письмоводства; родом из деревни Сивизгорской Никитинской волости Пинежского уезда Архангельской губернии. Был зачислен на военную службу в 37 Артиллерийскую бригаду в декабре 1909 г., но через три месяца «уволен по болезни в годичный отпуск на родину» и возвращен в декабре 1910 г.; получил звание младшего унтер-офицера 17 марта 1912 г. При мобилизации Прокопий Николаевич сам обновляет анкетные данные в книжке — снова записывает карандашом свое имя и даты: на службе с 23 июля 1914 г., в роте с 4 августа 1914 г. (л. 1)⁵.

³ ИРЛИ. Пинежское собр. № 754. Солдатская книжка Прокопия Николаева Никифорова за 1910—1914 гг., в 8-ку, 16 л., чернила, карандаш. Серый карандаш два раза сменяется фиолетовым.

⁴ Отдельные листы книжки утрачены, порядок листов был изменен: л. 3 (с. 41—42 записной книжки) вложен перед л. 4 (с. 19—20). Ср., например, с изданием 1915 г. [Записная книжка]: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_gc_2096278/ (дата обращения — 11.04.23).

⁵ Здесь и далее в скобках даются ссылки на листы дневника, который публикуется в Приложении к статье.

Большая часть листов «Записной книжки» не заполняется по назначению. В 1914 г. в книжке появляются карандашные записи поверх таблиц. В них отражен путь на войну, передвижение войска, первые бои и плен. Записи в книжке обрываются с наступлением нового, 1915 г. Записи Прокопия Николаевича уникальны тем, что имеют не мемуарный, а дневниковый характер и при этом сохранились в оригинале. Вчитываясь в стертый карандашный текст, мы слышим человека, находящегося в пути, в бою и в плену, — его горькую иронию, тоску по близким, стремление зафиксировать значение каждого уходящего дня.

На листе с «результатами пристрелки на 100 шагов», вложенном в самом начале книжки (л. 2; см. *ил. 1*), сделана запись обобщающего содержания: Прокопий Николаевич решает перечислить, что произошло с ним и его товарищами в 1914 г. Бои под Сандомиром и Опатовом, попадание в плен 21 сентября, перемещение в лагерь в Германию 28 сентября, перемещение в новый лагерь Графенвёр 12 декабря (исследователи отмечают особенно тяжелое положение русских военнопленных в этом лагере [Müller]). Приведенный отчет (как и само подробное описание попадания в плен) может выглядеть как предуготовленное оправдание на случай допроса: «С точки зрения военного руководства, плен воспринимался как позор, а пленные в большинстве своем — как предатели, изменившие долгу и присяге» [Сенявская 2013, с. 66]⁶. Несколько раз в книжке встречаются адреса: собственный адрес в Баварии, адрес в Петрограде, два раза — адрес матери в Ваймуше (как известно, была возможна не только переписка с военнопленными, но и передача им посылок).

Отправной точкой для дневника является дата получения известия о мобилизации — 18 июля 1914 г. (л. 4 об.). По замечанию А. А. Савельева и Н. В. Савельевой, именно рекрутский набор становился «может быть, единственной возможностью для крестьянина из отдаленных уголков России увидеть иной мир, не ограниченный рамками своей деревни»; «места и люди (...) побуждали не только к устным рассказам, но и к письменной фиксации пережитого, к созданию своих воспоминаний и записок» [Савельев, Савельева 2006, с. 133]. И всё же обращает на себя внимание готовность Прокопия Николаевича именно начиная с этой даты фиксировать события, придавать

⁶ Ср. в дневнике Н. Д. Мурсатова: «Я скомандовал „стой“, и взяли мы на изготовку, хотели стрелять, но вижу, что они передаются, бросили винтовки и забормотали по-своему что-то. Мы побежали к ним, стали отбирать у них патроны и вдруг слева прибежали к нам австрийцы, человек 10 и скомандовал один из них: „Бросай патроны!“ Мы ничего не могли сделать — нас забрали самих. Нас было 5 человек, их стало 13; делать было нам нечего — пришлось сдаваться в плен» [Кудрявцев, Соколов 2014, с. 152].

им особое значение. Вероятно, первые записи были сделаны уже в пути, ретроспективно.

Объявление мобилизации повлекло за собой хозяйственные заботы, необходимость срочно вернуться домой из Верколы: «19 дома осматривал хозяйство». Зарисовывается на память картина проводов: «многочисленное стечение односельчан», угощение — «был у дяди, чай, кофе, обѣд» (л. 4 об.). В этой картине важна каждая деталь: 21 июля отмечается участие в «прогулках» и «именинах», причем очередность этих событий, записанных по ошибке в обратном порядке, восстановлена вписанными над словами цифрами; при описании угощения дяди Павла Петровича начатое было слово «кофе» тут же исправляется на «чай». Записываются названия окрестных деревень, отмечается, с кем мобилизованный ехал «на одной парѣ» на сборный пункт в Пинегу, на каком пароходе плыл в Архангельск (пароход «Бородино» братьев Володиных). Посадка на пароход занимает большое место в воспоминаниях С. А. Ступина: «...а 3 свисток был дан прощальный и печальный, жалобный, долгий с воем. Вот тут-то и было родных плаканье, рев, некоторые матери падали без памяти на землю» [Первая мировая война в устном и письменном творчестве, с. 302]. В отличие от своего земляка, П. Н. Никифоров не фиксирует в дневнике никаких горестей прощания. При отдалении от родных мест события ускоряются, кратко записываются перемещения между городами вплоть до Царского Села, а затем — до Варшавы.

Из дальнейших событий короткой военной жизни Прокопия Николаевича отмечаются «днёвки», дни, когда «шли походом», дни, когда «окопы рыли»; переходы рек, исповедь и причастие в г. Гройце. После первого боя под дер. Каменкой 26 августа в дневнике появляется запись с характеристикой врага: «Нѣмцы это Культурный народ, и не как наши русские образованные всѣ». И. В. Нарский отмечает, что страх перед непобедимым противником «постепенно уступил место восхищению немецкой техникой, выдержкой и дисциплиной» и интерпретирует эту тенденцию как «сигнал растущей открытости крестьян в солдатских шинелях к восприятию европейского понимания прогресса» [Нарский, с. 499]. О. С. Поршнева на основании фольклорных текстов и письменных источников крестьянского происхождения делает вывод: «...немец стал приобретать в их глазах черты сверхчеловека, наделенного могучим разумом, волей и даже магическими, сверхъестественными способностями, недоступными русскому человеку» [Поршнева, с. 187]. Впрочем, это первое впечатление Прокопия Николаевича впоследствии уступает место другим, «образ противника (<...> менялся, переходя от абстрактно-обобщенных очертаний к более конкретным, приобретая глубоко личностную, эмоциональную окраску» [Сенявская 1997,

с. 33]. Интерес к немцам как к другому, незнакомому типу людей отражается, например, в записках С. Н. Томилова: «пришел поезд из Белостоку с пленными немцами, где мне пришлось их видеть в военной форме первый раз. Мы при остановке нихного поезда ходили смотреть них (...) И некоторые разговаривали из наших, кто мог по-немецки, и дарили ним яблоки и т. п., папиросы» [Первая мировая война в устном и письменном творчестве, с. 312].

В записях первого месяца в строю уже видно, как важна для Прокопия Николаевича их ежедневность: напротив числа иногда ставится прочерк или буква «т», что значит «то же, что и вчера». Записи очень краткие, на них, очевидно, не хватает времени. Еще в Архангельске Прокопий Николаевич был распределен в Запасный батальон лейб-гвардии 1-го стрелкового полка. Вероятно, он участвовал в подготовке Варшавско-Ивангородской операции (28.09 — 8.11.1914) [Иминов]. Последняя запись военного периода — бой под г. Опатовом 21 сентября. В этот день Прокопий Николаевич попадает в плен и подробно записывает, как это случилось: «не имѣя возможности держаться нашим войскам было приказано отступить, т. к. неприятель окружает нас с 3-х сторон, подкрѣплений с нашей стороны не было при чем обѣ стрѣлковыя бригады были разбиты неприятелем. Бѣжали кто как мог спасался — в этом послѣднем для меня бою я был ранен в правую ногу повыше колѣна на вылет» (л. 8 об.—9; см. *ил.* 2). Раненый долго лежал в ожидании перевязки, затем был перевязан и отведен в польскую деревню, которая на следующий день была взята противником.

Первая встреча лицом к лицу с неприятелем опять производит на автора дневника хорошее впечатление: «...22 Сен(тября) зашел в хату герм(анский) солд(ат) и тут же я был взят и отвѣден на перевяз(очный) пункт (...) тут осмотрен германским доктор(ом) котор(ый) относился весьма хорошо и внимательно ко всѣм больным, а также и Герм(анские) солд(аты) относились хорошо» (л. 9—9 об.). Ср., например, в воспоминаниях А. А. Успенского: «В это время прибыла немецкая санитарная рота с носилками и перевязочным материалом. (...) я невольно восхищался этой немецкой, чисто военной, организацией спасения погибающих на войне воинов» [Успенский, с. 196].

Лагерный опыт Прокопия Николаевича приходится на «фазу импровизации», как исследователи называют период, когда система содержания военнопленных в Германии только начинала складываться [Нагорная 2010, с. 100]. Тема наблюдения за иностранцами и за человеком в целом продолжается в дневнике в дальнейшем. Прокопий Николаевич фиксирует жестокость и несправедливость, в том числе ставшее «предметом международной дискуссии (...) применение по отношению к военнопленным общепринятой в немецкой армии экзекуции — привязывания к столбу» [Нагорная 2010,

с. 123—124]. «Днем видно было как нѣмцы привязывали к столбу виновных и как стегали плѣтью — за воровство» (л. 10); «Интересно отмѣтить, как выдавали масло плѣнным 3 ½ (?) ведра на роту дали а фельдфебель дал по самому ничтожному кусочку, а сам с переводчиками и взводными съѣли чуть не цѣлое ведро» (л. 10 об.); «один нѣмец ударил прикладом одного по шеѣ плѣнного, что тот сразу же поступил в лазарет унесли его на носилках» (л. 10 об.—11) и т. д. Эти же наказания упоминаются в «Воззвании бежавших из плена солдат и офицеров» 1917 г.: «И всегда нас караулил немецкий солдат, который бил нас прикладом (<...> Наказания были самые жестокие: подвешивали к столбу, на 5 часов выставляли на мороз в одном белье, били палками» [Воззвание бежавших].

К ноябрю, на втором месяце плена, появляются записи, в которых автор осознает себя как часть сообщества русских солдат в противопоставлении немцам: «...весьма относились грубо, даже ненавистно, хотѣли прямо живых вогнать в землю но крѣпок русский солдат чего он не перенесет все ему хорошо, сказаному вѣрит, пошли куда послушно идет, все исполнит без малейшаго замедления» (л. 11—11 об.). Наступление зимы означает холод и голод для всего сообщества «несчастных отцов, сыновей и сирот». Сиротами названы все, кто оказался вдали от родной земли («матери»): так, о празднике Введения Богородицы во храм говорится: «...этот день встрѣтить дома в кругу родных и матушки России» (л. 12). Образ святой Руси связан не только с церковными праздниками, но и с бытовыми обычаями — например, удивление вызывает душ: «30 Декабря водили в баню всего на 15 минут мытья, бани их дождики, не такія, как у нас в Руси святой» (л. 14)⁷.

Особенно заметно разделение на «мы» и «они» в преддверии праздника Рождества. Многократно повторяется указание «их»: «12 декабря их рождество, накануне зажжена была елка, украшена одними электрическими лампочками, играла их музыка, пѣли их пѣвчие — музыканты, потом наши, наши пѣли еще молитвы, как все равно насмѣшка над русскими людьми» (л. 12 об.). Накануне православного Рождества французские пленные устроили елку, но Прокопий Николаевич держался привычных традиций: «...я тут не участвовал, потому, что вечером, под праздник, по христианскому обычаю не полагается и весьма не прилично» (л. 13 об.). В сам праздник никаких подарков не случилось: «улучшения пищи не какой не было, нѣ достойны этого русские люди» (л. 13 об.). По замечанию О. С. Нагорной, «для православных военнопленных чужая религиозная среда содержала в себе

⁷ Ср. из солдатского письма об окопной жизни: «Теперь помылся как бы в своей бане, то поцеловал бы сто раз свою баню, теперь больше двух месяцев не мылись» [Молоствовова, с. 22].

скрытый конфликтный потенциал, так как нарушала маркированный церковными праздниками годовой цикл (...) Большинство пленных к этой дате ожидали маленького чуда: посылки, улучшения пищи, освобождения от работ. Несбывшиеся надежды часто провоцировали эмоциональные срывы» [Нагорная 2010, с. 293–294]⁸.

Впрочем, праздник во время войны так ощущался не только в плену. Ср. в дневнике А. Д. Сереброва: «Рождество Христово! Как весело звучат эти слова, но только дома, а здесь оно заглушено дисциплиной (...) льется кровь, как река, избивают народы друг друга, не зная за что (...) Принесет ли Новый год счастье или несчастье. Господь знает» [Первая мировая война в зеркале эго-источников, с. 233]⁹. То же несбывшееся ожидание нового звучит в горькой записи Прокопия Николаевича, одной из последних в дневнике: «наконец-то и наступил и конец старого года, вечером пѣли молитвы из все-нощной и молебны, а утром — из литургии и молебна — , вот тебѣ и новый год и новое счастье» (л. 14).

Как показывает дневник П. Н. Никифорова, пение молитв, празднование православных праздников было главной опорой, за которую держались пленные. Это был и повод для доброжелательного контакта с чужеземным миром, это было то самобытное, что сохранили и могли показать другим русские пленные: «Сегодня двѣ недѣли плѣну — 4-го окт(ября) в первый раз раздалось пѣние православ(ных) воинов пѣние молитвы Отче наш, Спаси Господи и Воскресени(е) Христ(ово) видѣвше. (...) Вечером пѣли молитву, фельдфебелю Германии понравилось, попросил еще раз пропѣть что было исполнено, а он в свою очередь остался доволен» (л. 10). В литературной обработке В. В. Корсака близкое по сути событие выглядит следующим образом: «Голосов в лагере оказалось немало, и голосов хороших (...) Для начала, в пику немцам, спели русский гимн. (...) Французы и бельгийцы останавливались и прислушивались с удивлением (...) Пришли и встали в сторонке немцы. Ввалились гурьбой англичане, с засунутыми в карманы руками. Пение дало некоторый исход настроению пленных, и спевки стали происходить почти каждый день (...) Может быть, это пение и навело кого-нибудь из

⁸ Те же мысли звучат в записях Н. Д. Мурсатова, сделанных в плену: «Сегодня праздничный день, а нам русско-пленным горе и беда, голодом уморяют, а на работу в будни и в праздник выгоняют (...) Когда я был дома, если приходит какой-нибудь Великий праздник, то каждый человек с радостью дожидается. А сейчас только [и] знаешь, что подходит праздник, и так же постепенно проходит, как будто бы не бывало ничего, потому что радости никакой не приносит, кроме печали» [Кудрявцев, Соколов 2016, с. 174, 175].

⁹ О праздниках в окопах в солдатских письмах см. также: [Молостова, с. 48–54].

них на мысль, что русские не такие уж варвары, как они себе представляли» [Корсак, с. 78–79].

Не только церковные песнопения, но и народные песни могли звучать как самопрезентация в ситуации войны. Вот как это описано, например, в одном из солдатских писем (14.08.1916): «В наших передовых окопах был концерт, сперва у немцев играл граммофон, а затем наши запели „три деревни, два села“, с шиканьем и присвистом. Немцам это очень понравилось и с их стороны раздались аплодисменты и крики „браво Рус“, „бис“, и как завечерело, концерты перестали, стали перебрасываться ручными бомбами» [Письма с войны, с. 450–451]¹⁰. Однако в записях Прокопия Николаевича, человека воцерковленного¹¹, многократно упоминаются именно молитвенные песнопения: «Введение во храм Пр(есвятой) Богор(одицы) провели весьма скучно, пѣли, что знали, невольно блеснули слезы, когда услышали пѣние „Христос раждается, славите“ — судить идет Господь» (л. 12). Почти в тех же словах о подобном впечатлении вспоминает А. А. Успенский: «когда импровизированный хор офицеров стройно запел „Слава долготерпению Твоему, Господи“, умилению и слезам нашим не было конца» [Успенский, с. 224]. По замечанию О. С. Нагорной, лагерные церкви становились «местом духовного утешения и убежищем от угнетающей действительности», они «маркировались пленными как „свое“, недостижимое для „чужих“ пространство, поэтому чаще всего они использовались как комнаты для совещаний при подготовке побегов» [Нагорная 2010, с. 105].

В других записях о церковных праздниках также часто встречается пометка «скучно», которая означает особую тоску по дому в эти дни. «Социальная ностальгия для пленных становилась не просто моделью поведения, она определяла их жизнь. В прошлом военнопленные черпали силы (...) Наиболее знаковым моментом для такого рода ностальгии становилась тоска по родным и близким» [Абдрашитов, с. 131]. В дни праздников единственным утешением оказывается общение с земляками, с которыми можно «разделить» время и воспоминания: «8 — ноября Михайлов день — празд-

¹⁰ Ср. также в воспоминаниях полковника Г. Н. Чемоданова: «Заставьте петь армии западных народов. В них вы не услышите пения, а русская армия поет и пела и с горя, и с радости, в часы отдыха и во время самых тяжелых переходов. Она ищет развлечения, утешения и бодрости в пении, это ее особенность» [Сенявская 1997, с. 13]. О создании хора на военной службе и управлении им вспоминал также И. С. Карпов [Первая мировая война в устном и письменном творчестве, с. 290–293].

¹¹ Различные примеры «окопной религиозности» [Аксенов, с. 645–658], «мистической защиты путем выполнения неких ритуальных действий» [Сенявская 1997, с. 69], судя по всему, не относятся к Прокопию Николаевичу, для которого молитва и богослужбное пение были способом самоидентификации (см. подробнее ниже).

ник всѣх православных христиан — вспоминаю прошлое — дѣлю время с Александром Егор(овичем) Щепоткиным» (л. 11 об.). То же — о Рождестве: «...праздник провели скучно и весьма грустно, вспоминая своих родных и знакомых но вспоминали-ли они об нас несчастных, время проходит скучно, подѣлили между собою, и нашлись товарищи — приятели мои братья Кузнецовы — Михаил и Сергѣй Дмитриевы» (л. 13 об.—14). По ощущениям пленных, тоска по близким не получает взаимного отклика. Сходные мотивы покинутости звучат в письмах из плена: «...не знай, так скоро забыли меня, и я, видно, брошен на произвол судьбы» [Молоствовова, с. 95–98].

В своеобразном стиле письма Прокопия Николаевича особенно интересна, как представляется, его способность взглянуть на происходящее со стороны. В записи, относящейся к первым дням плена, он пишет: «30 и 1 окт(ября) разбивали повзводно была неусыпная путаница и со стороны казалось посмѣшной» (л. 9 об.). В воспоминаниях офицера А. А. Успенского есть похожий эпизод: «По тревоге в четыре часа утра был поднят весь лагерь (...) шел проливной дождь. Некоторые офицеры, не успев одеться, укрылись от дождя одеялами или скатертями. Было смешно!» [Успенский, с. 235]. Собственные чувства Прокопий Николаевич почти не описывает, он всегда часть «нас», от лица которых он пишет и которых всех вместе жалеет. Еще один пример грустной иронии построен на сопоставлении понятий на воле и в плену: «13–14 — заговѣнье — заговѣлись коркой черного хлѣба» (л. 12).

Что является событием в мире военнопленных? Несколько раз Прокопий Николаевич записывает слухи. По замечанию М. Блока, ложные новости рождаются из коллективных представлений [Bloch, с. 31], — это прежде всего слухи о мире и победе: «...суп гречневый все время носят слухи об мирѣ — но насколько онѣ вѣрны, утвердительно ни кто не знает» (3 ноября 1914 г., л. 11); «Сегодня носился слух, что Познань взята нашими войсками» (7 ноября 1914 г., л. 11 об.); «слышны слухи, что Германская армия окружена, и предложено сдаться в плѣн или же биться до послѣднего — срок дан будто бы до 10 числа Декабря новаго стиля, т. е. до 28 Ноября» (15–21 ноября 1914 г., л. 12). Или просто наблюдения о погоде: «...из сдѣшних разговоров слышно что в это время не помнят таких морозов, как нынче» (8 ноября 1914 г., л. 11 об.).

Важнейшими темами дневника остаются холод и голод. Фиксируется периодическое появление в меню колбасы, маринованной селедки, чая. По наблюдению Е. С. Сенявской, на войне «опасность становится частью быта, а мелкие бытовые детали неотделимы от функционирования человека в обстановке постоянной опасности» [Сенявская 1997, с. 12]. В иные дни

в записях прорывается накопившаяся тоска: «...пищи и хлѣба весьма мало, помѣщение холодное, шинелей нѣтъ, у нѣкоторых отобрали, раз в сутки получаем горячую пищу и один раз кофе без сахара...» (л. 11).

Пленных прививали оспу, устраивали обязательные прогулки. Прокопий Николаевич записывает свои рассуждения об этом: «...с утра гоняли на прогулку, для того это сдѣлали, чтобы люди не болѣли, а сами не подумали, что хлѣба малое количество дают, а так-же и пищи...» (л. 11 об.)¹². Но важно не только выплеснуть тоску, но и запечатлеть рутину в ежедневных записях: «3-е окт(ября) прошло однообразно, как всегда» (л. 9 об.); «6-го утро то же самое» (л. 10); «начало Декабря разнообразно» (л. 12 об.). Выражениями «то же», «по обычаю» и другими продлевается непрерывная цепь дней¹³.

Итак, если в первой части дневника основными событиями являются проводы, передвижения, встреча с врагом и причастие, то во второй его части — погода, еда, слухи, пение молитв, случаи несправедливости, встречи с земляками, праздники и будни. Поначалу отсутствовавшая враждебность к неприятелю (на месте которой было любопытство и даже восхищение) постепенно появляется на почве самого устройства лагерной жизни.

При сопоставлении с солдатскими письмами можно заметить, что в дневнике не отражаются многие важные в письмах темы: тяготы окопной жизни (вши, опасность, снаряды); сам процесс письма («не пообезсудьте, что плохо написал, ведь это не на столе, а на коленях и лежа на брюху написано, по всячески» [Молоствовова, с. 29]), внешняя обстановка (разоренные деревни, природа), рассуждения о службе и войне. Вероятно, отсутствие этих тем связано не только с жанром, но и с особенностями личности пишущего. О. С. Нагорная описывает различные практики «пассивного встраивания в ситуацию», которые складывались в плену: употребление алкоголя, табака; формирование жаргона, привычка встраивать в речь немецкие слова [Нагорная 2007, с. 540–542], — всё это не находит отражения в дневнике (немецкое слово употребляется единожды, в первые дни плена: «...наши рота назывались их компании...», л. 9 об.). Исследовательница описывает

¹² Дословно так же рассуждают солдаты в дневнике Н. Д. Мурсатова: «Слышал я разговор от солдат раньше, и теперь — говорят все одно: „Эх, хлеба мало. Если бы хлеба давали побольше, тогда бы и пищи довольно было бы, [а] то все не хватает нам — всегда мы голодны, да еще голодный народ постоянно гоняют на работу“. Почему больных сейчас много, все лазареты ведь наполнены больными? Потому что люди голодные, малокровные, и одежда на них плохая — чуть простыл и заболел» [Кудрявцев, Соколов 2016, с. 171].

¹³ Традиционный для жанра прием, ср. в дневнике А. Д. Сереброва: «Ср. 9 (26) Состояние здоровья то же. Четв. 10 (27) То же самое, особенного ничего» и т. д. [Первая мировая война в зеркале эго-источников, с. 252].

также различные способы, которыми пленные пытались «вернуть себе чувство контроля над собственной жизнью»: накопительство, обход лагерной дисциплины, участие в протестах [Нагорная 2007, с. 542–545]. Вероятно, именно ведение дневника было психологической опорой, способом «возвращения контроля» над жизнью для Прокопия Николаевича Никифорова. Неизвестно, что случилось с ним после наступления 1915 г. Не мог ли привезти дневник на Пинегу кто-то из его земляков? В таком случае возвращенный на родину Прокопия Николаевича дневник стал чем-то сродни «мемуарам павших», имеющим не только мемориальную функцию, но и функцию свидетельства [Стюарт, с. 295]. Одна из последних дневниковых записей говорит о заветном желании вернуться в новом, 1915 г.: «...а что Бог даст в новом, ждем возвращения на родину в Россию...» (л. 14 об.).

Описание Пинежского собрания рукописных (ИРЛИ) и печатных (НБ СПбГУ) книг, подготовленное Н. В. и А. А. Савельевыми, предоставляет возможность познакомиться поближе с автором дневника, узнать чуть больше о довоенном периоде его жизни. В Древлехранилище Пушкинского Дома хранятся рукописи, написанные дедом и отцом Прокопия Николаевича, а также им самим.

Отец — Николай Алексеевич Никифоров, ротный фельдшер. Сохранился принадлежавший ему медицинский справочник («Лечебник») с рецептами по-латыни¹⁴. Большая часть рукописи написана другим фельдшером, однако именно на листах с записями «фельдшера Никифорова» есть характерные пометы — например, под записью глистогонного: «спаси Господи, Вѣрно Nikiforoff Nikiforoff» (л. 74). Есть также карандашная запись фельдшера о командировании в Соловецкий монастырь: «Его Высокоблагородие Господин старший Унтер-офицер младший ротный фельдшер Архангельскаго ротнаго баталиона командированный в Соловецкий монастырь, завѣдующим при оной больницей Николай Алексѣев Никифоров» (л. 81). Подражая латинской подписи отца, расписывается в рукописи и Прокопий Николаевич: «Лечебник принадлежит крестьянину Арх. губ. Пинеж. уѣзд. Никит. вол. Карпог. сельск. общ. села Ваймужскаго Прокопию Николаевичу Никифорову 1904 г. 11 февраля. Nikiforoff» (л. 77 об.). Более ранняя каллиграфическая запись в лечебнике имеет явно ученический характер: «Бывший ученик Прокопий Николаев Никифоров расписался 22-го июня 1901 года» (л. 76 об.).

¹⁴ ИРЛИ. Пинежское собр. № 626 [Савельева, с. 581–582]. Лечебник (Конспекты по медицине), 1883 г., 8°, 83 л., скоропись.

Известен и дедушка автора дневника — священник Прокопий Алексеевич Семенов. Он учился в Воронежской духовной семинарии, затем в Архангельской духовной семинарии. С 1851 г. служил в Чухченемской Никольской церкви, для которой переписал несколько книг. Полууставом и скорописью им переписаны богослужебные тексты, посвященные святителю Митрофану Воронежскому (служба и акафист святому с пометкой: «Все сие на память вывезено из Воронежа в 1849 году. Священником Прокопием Семеновым. 10 Генваря 1852 года»); тропарь, кондак, дни празднования святителю с подписью: «1856 лѣта августа 7 и 8 в Чухченемскую Церковь положил и писал иерей Пр. Семенов»¹⁵. Священник Прокопий Семенов переписал также небольшой Синодик («Для Чухченемской Николаевской Церкви (...) составлен из книжки рукописной (...) священником Прокопием Семеновым. Августа 22 дня, 1862 года»)¹⁶. В более раннем и полном Синодике той же церкви¹⁷ рукою о. Прокопия вписаны в 1868 г. «Род Чухченемскаго Иерея Прокопия Алексиев Семенова, служащаго в сем приходѣ с 1851 1 ч. февр.» (л. 55—55 об.), перечень «успоших раб Б. прихожан, с 1851 года» (л. 87—91 об.). Священником Прокопием Семеновым сделаны выписки из «чина исповедания отроком»¹⁸; им же написаны прошение 1871 г. по поводу «оговора ябедником»¹⁹, хозяйственная записка 1885 г. о покупке муки²⁰ [Савельева 2003, с. 140, 421—422, 424—425, 498, 550—552, 641; Савельев, Савельева 2005, с. 136]. Владельческими пометами Прокопия Семенова отмечены печатные книги, в том числе грамматики французского, немецкого, латинского языков²¹.

¹⁵ ИРЛИ. Пинежское собр. № 409. Служба, акафист, Житие, память и похвала Митрофану Воронежскому, XIX в. (50-е гг.), 4°, 22 л., полуустав и скоропись. Хранится вместе с печатной книгой, имеющей владельческие пометы свящ. Прокопия Семенова: *Димитрий Склабовский, прот.* Святой Митрофан, первый епископ Воронежский и чудотворец. М., 1888.

¹⁶ ИРЛИ. Пинежское собр. № 58. Синодик Чухченемской Никольской церкви, 1862 г., 8°, 8 л., скоропись.

¹⁷ ИРЛИ. Пинежское собр. № 563. Синодик Чухченемской Никольской церкви, XVIII в. (70—80-е гг.) — XIX в. (60—80-е гг.), 8°, 96 л., полуустав и скоропись.

¹⁸ ИРЛИ. Пинежское собр. № 778. Иннокентий (Нечаев). Чин исповедания отроком (выписки), 1869 г., 8°, 2 л., скоропись.

¹⁹ ИРЛИ. Пинежское собр. № 763. Прощение священника Чухченемского прихода Прокопия Алексеева Семенова в Пинежский уездный суд о рассмотрении дела по оговору его крестьянами Александром Никитиным и Андреем Никитиным Табарскими, 1871 г., 9 февраля, 2 л., скоропись.

²⁰ ИРЛИ. Пинежское собр. № 491. Фрагменты рукописей XVII—XIX вв., 5 л.

²¹ Пометки о принадлежности рукописи Прокопию Семенову («Свящ. Пр. Сем.») есть, кроме того, на рукописи ИРЛИ. Пинежское собр. № 405 («Списки о св. праведной Параскеве в Пири-неме и о св. преподобномученике Иове Ущельском чудотворце»), а также на печатных книгах:

Именно записи на печатных книгах говорят о взаимоотношениях с внуком и крестником, будущим автором военного дневника: «Часослов сей подарен крестнику в день его ангела 27 февраля священником и дедушкой Прокопием Семеновым внуку Прокопию Николаеву Никифорову 27 февраля 1900 года»; там же владельческая запись Прокопия Николаевича 1906 г. На другом издании, «Пространном катехизисе для обучения юношества» Ф. И. Янковича де Мириево, также есть запись: «ныне у крестника моего Прокопия Николаева Никифорова» [Савельев, Савельева 2005, с. 79–80, 107–108]. В лагере военнопленных Прокопий Николаевич вспоминал своего деда: «с 12–13 напал снѣг день красивый, память моего креснаго» (л. 12).

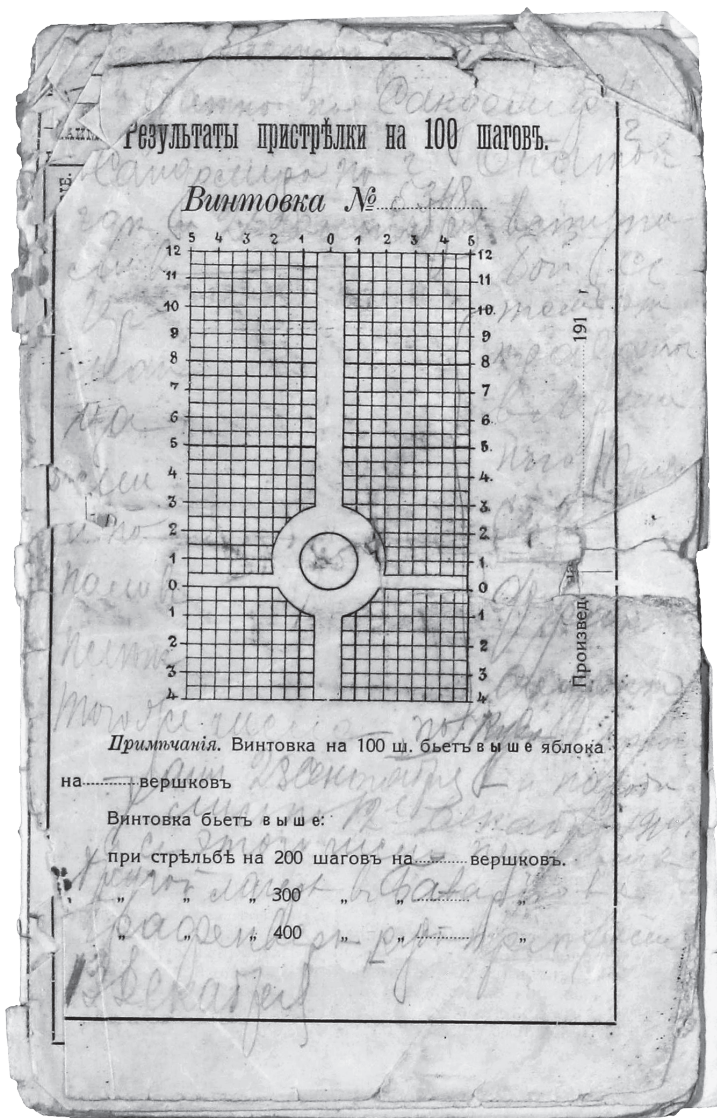
По замечанию Н. В. Савельевой, крестьянская библиотека одной семьи является частью местной крестьянской книжной культуры в целом [Савельева 1994, с. 269]. Складывается впечатление, что Прокопий Николаевич выделялся в семье своей любовью к книгам, был их собирателем и бережным наследником отца и деда. Прокопию Николаевичу принадлежал также нотолинейный сборник богослужебных песнопений («Хвалите имя Господне», прокимны, догматики; на нотах подпись: «Писал Петров») с владельческой записью: «Ноты Пр. Никифорова с. Ваймужскаго»²².

Рукой самого Прокопия Николаевича переписана в 1903 г. «Служба и акафист Артемию Веркольскому» (каллиграфическим почерком), причем Канон Артемию Веркольскому переписан в двух цветах: чернилами — ирмосы, карандашом — песни канона. На обороте обложки многочисленные росписи и пробы пера (в том числе: «Прокопия Никифорова 8-го февраля 1898 года»). На л. 30 об. запись: «Сию тетрадь или Книгу начал писать с 26-го октября и кончил по нерадению своему 30 октября 1903 г. С подлинным вѣрно, смотрѣл и провѣрял Прокопий Никифоров 30 октября 1903 года»; в другой записи уточняется: «⟨...⟩ Писано с Книг Ваймужской Николаевской

1) *Гельтергоф Ф.* Немецкая грамматика... 4-е изд. М.: [Унив. тип., у В. Окороква], 1791; 2) *Перелогов Т. И.* Французская грамматика: Содержащая в себе легкой и основательной способы учиться сему языку. М.: Тип. [Моск.] ун-та, у Хр. Клаудия, 1801. Записи сообщают о Прокопии Семенове как о «студенте богословия Воронежской Дух. Семинарии», «ученике Архангельской духовной семинарии»; 3) *Янкович де Мириево Ф. И.* Пространный катехизис для обучения юношества. М.: Синод. тип., 1786; 4) Служба и акафист святому преподобному Артемию, Веркольскому чудоворцу. М.: Синод. тип., 1880; 5) Часослов. М.: Синод. тип., 1840; 6) Краткая грамматика латинская ⟨...⟩ переведенная Васильем Лебедевым. 3-е изд. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1774 [Савельев, Савельева 2005, с. 79–80, 107–110, 124–126].

²² ИРЛИ. Пинежское собр. № 627 [Савельева 2003, с. 582]. Сборник богослужебный (нотолинейный), кон. XIX в., 9 л., скоропись.

Церкви Прихожанином Прихода...»²³. Лечебник Николая Никифорова и все три рукописи Прокопия Николаевича были переданы в Дрeвлехранилище А. Е. Нифантьевой.

Ил. 1. Дневник П. Н. Никифорова. ИРЛИ. Пинежское собр. № 754. Л. 2

²³ ИРЛИ. Пинежское собр. № 629 [Савельева 2003, с. 583]. Служба и акафист Артемию Веркольскому, 1903 г., в 4-ку, 30 л., скоропись.

СЪВЪСЪДЪ И ПУТЪВЪННАЯ ДЕНЕЖЬ.

Мѣсяцъ.	Хлѣбомъ.		Нормамъ.	
	Сумма о выдачѣ.	Отмѣна о выдачѣ.	Сумма о выдачѣ.	Отмѣна о выдачѣ.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
За Январь				
" Февраль				
" Мартъ				
" Апрель				
" Май				
" Июнь				
" Июль				
" Августъ				
" Сентябрь				
" Октябрь				
" Ноябрь				
" Декабрь				

2-й годъ службы.

Выдача мѣсячныхъ натурою.

За какой мѣсяцъ сдѣлано.	от штабъ-офицера.	
	Копия.	Число.
За Январь		
" Февраль		
" Мартъ		
" Апрель		
" Май		
" Июнь		
" Июль		
" Августъ		
" Сентябрь		
" Октябрь		
" Ноябрь		
" Декабрь		

2-й годъ службы.

Дневник П. Н. Никифорова (ИРЛИ. Пинежское собр. № 754)¹

(обложка) ЗАПИСНАЯ КНИЖКА Прокопия Никифорова
Личный № 158
3 Батареи 37 Артил⟨лерийской⟩ бриг⟨ады⟩
Взвода «3»
На 1910 ⟨11 — вставлено⟩ — 1912 года. //

(оборот обложки)² //

л. 1

³ потр⟨?⟩ Суп

Имя: Прокопий Прокопий

Отчество: Николаев Николаев

Фамилия: Никифоров Никифоров

На службу с «23» Июля 1914 г.

На правах: Общих Общих

В ротъ с «4» Августа 1914 г.

Из сословия: Крестян (так! — Т. Г.)

Губернии: Архангель⟨с⟩кой⁴

Уъзда: Пинежскаго

⟨Го⟩рода или волости: Никитинская

⟨С⟩ела или деревни: Сиверг⟨орская⟩ Ростовска⟨го⟩

⟨Вер⟩оисповѣданія: Православный

⟨Холос⟩т или женат: Холост

Грамотен или нѣт: Грамотный

Знает ли мастерство: Писмоводство

¹ Дневник публикуется в современной графике (с сохранением «Ѣ», особенностей орфографии и пунктуации автора). Слова, прочтение которых вызывает сомнения, помечаются знаком вопроса. Текст, разобрать который не удалось, помечается ⟨нрзб⟩. Зачеркнутые слова заключаются в квадратные скобки, вставки и конъектуры — в угловые. Общепринятые сокращения («г.» — год, город, «р.» — река и т. д.) не проясняются. Печатный текст записной книжки передается в том случае, если он связан с рукописным.

² Печатный текст на обороте обложки: «Книжку эту нижний чин должен постоянно хранить у себя. При получении денег он предъявляет ее Завѣдывающему батарейным хозяйством для отѣтки в соотвѣствующих графах, количества выдаваемых денег и времени выдачи».

³ Курсивом на листе переданы печатные графы анкеты и записанные чернилами ответы на них. Текст, написанный позднее карандашом, передан прямым шрифтом.

⁴ Буква «с» вписана карандашом.

Прохождение службы:

Младш(им) унт(ер)-офицером с 17 Марта 1912 г. //

⁵ 1) Прибыл и зачислен на службу в 37 Арт(иллерийскую) бриг(аду) л. 1 об.
в 3 взвод роту (прик(аз) по полку бриг(аде) от [4] 9 Декабря 1909 г.

1909 Декабр(я) 8

2) Канониром 1910 Март (нрзб)

Уволен по болѣзни в годичный отпуск на родину

1910 Дека(брь)

Комиссиею при Пинежской уѣздной и воинской повинности, по прошествии годичнаго по болѣзни отпуска принят для продолжения службы. //

⁶ (нрзб) обратно под Сандомир.

л. 2

с Сандомира по г. Опатов гдѣ и 21 сентября вступили в Бой с германцами и попали в плѣн того же числа, потом отправлены в Германию (нрзб) Франкфурт, куда приѣхали 28 сентября — и находились по 12-е декабря 1914, а с этого числа перешли (?) в другой лагерь в Баварию в г. Графенверг куда приѣхали 13 Декабря //

⁷ (нрзб) //

л. 2 об.

⁸ //

л. 3

⁹ г. Петроград

л. 3 об.

г. Петроград

Апраксин переул(ок)

д(ом) № 21 кв.(артира) 81

Пашенко Семен Семенович

Константину Розанову

¹⁰Германия, Бавария

адрес: Баерн, лагерь вое(ннопленных)

г. Графенверг, 8 ком(пания) 59 Б

⁵ Таблица «Прохождение службы», печатный текст на листе передан курсивом.

⁶ Таблица «Результаты пристрелки на 100 шагов».

⁷ Рисунок «Пригонка ранцевого снаряжения».

⁸ Таблица «Детское пособие, квартирные деньги», с расчетами в столбик: «Хл(еб) 60. Вин(о) 40. 1 м(онета) ход(овая)».

⁹ Таблица «Запасный листок».

¹⁰ Фиолетовый карандаш.

Германия / Бавария
 〈Франкфурт на Майнѣ — *вставлено на полях*〉〈?〉 //

- л. 4 ¹¹ //
- л. 4 об. ¹² 18 Июля объявление мобилизации
 Уѣхал домой из Верколы —
 19 дома осматривал хозяйство и был в Карповой Горѣ
 20 ходил к празднику к дядѣ в Немнюгу
 21 — утро, чай, обѣд, прогулки 〈2 — *вставлено*〉, именины 〈1 —
вставлено〉 и отправка на сборной пункт в Марьину гору при многочис-
 ленном стечении односельчан; по дорогѣ в Шетовѣ был у дяди, чай, кофе,
 обѣд; — ѣхал вмѣстѣ со сватом Игнатием и Васил(ием) Ефимов(ым?) на
 одной парѣ, 22 числа Июля был у дяди Павла Петровича, [ко]чай, обѣд,
 проща //
- л. 5 ¹³ ние и путешествие дальше
 22 в Пальегорах 23 В Пинегѣ на сборном пунктѣ
 24, 25, 26 в Пинегѣ, 26 〈нрзб〉 отправка на пароходѣ Бр(атьев) Вол(оди-
 ных) Бородино в гор(од) Арх(ангельск) в тот же день назначение в 1 Гв(ардей-
 ский) Зап(асной) Стр(елковый) бат(альон) — 28 прибытие в Арханг(ельск)
 и вечером из Арх(ангельска), 29-е Вологда, 30-го в Петръ(оград) и Царское
 Село.
 31, 1, 2, 3 и 4 в Царском и 〈по〉 назначении в 1 Л(ейб)-Гв(ардии) Стр(ел-
 ковый) Е(го) Вел(ичества) полк
 4 — отправка в полк в г. Варшаву, 4 в Псков, 5-го и 6-го в Вильнѣ, 7 и 8
 утром в 4 часа в Варшавѣ, дневка и отправление в дер. Вом (?) и присоеди-
 нение к полку. 9 дневка, а вечером разбивка поротно, назначение в роту Его
 Величества 〈нрзб〉 //
- л. 5 об. ¹⁴ 10-го 〈воскресенье — *вставлено*〉 выступили в поход
 11 Шли
 12 [Шли походом] дневка
 13 Шли [〈нрзб〉] 14 [Шли походом] дневка

¹¹ Таблица «Жалованье, аммуничные и сапожные деньги», с отметками чернилами о вы-
 платах в августе (3 р. 15 коп.) и сентябре (2 р. 25 коп.) 1914 г.

¹² Таблица «Выдача мыла натурой». Серый карандаш.

¹³ Таблица «Хлебные и крупяные деньги».

¹⁴ Таблица «Приварочные и чайные деньги».

15 Исповѣдались и причащались в гор. Гройцѣ и послѣ обѣда выступление в поход, 16 шли, 17 тоже — в Варшаву, 18, 19 и 20 дневки под гор. Варшавой, 21 выступление в гор. Ивангород, а оттуда походное движение на Австрийцев, под дер. Каменку, 26 бой под дерев. Каменкой. Нѣмцы это Культурный народ, и [а] не как [так] наши русские образованные всѣ. //

15 //

16 //

л. 6

л. 6 об.

17 Получено из дому: 1 перевод объявили 17-го Января по 2 м. 13 ф. л. 7
и второй по 10 м 67 фен., 22-го января выдали

1) 10 м 67 ф

2) 2 м 13 ф

Итого 12 м 80 фен

Израсходовано:

хлѣб — 30 ф + 60 + 65 + 80 + 70 + 25

вин(ные) ягоды — 20 ф.

сахару — 10 ф

порция — 5 ф

мыло и откр. ⟨?⟩ — 15 + 5 = 20

сдачи — 20

На орѣхи и масло 1 м 25 фен

которыя воротить по колбасѣ

колбаса

18 февраля остальное //

18 8 Сент(ября) шли поход(ом) и дневки

бой у р. Вислок 4 пали

9 [переход] шли походом

переход р. Вислок

10 шли пох(одом)

11 —

12 —

л. 7 об.

¹⁵ Таблица «Деньги за собственное белье», в которой есть отметки чернилами о покупке белья — 2 рубах (1 руб. 6 коп.), 2 исподних брюк (92 коп.), 2 носовых платков (16 коп.), 1 утиральника (19 коп.); карандашом поперек листа крупная запись «27-е»; других записей на листе нет.

¹⁶ Таблица «Единовременные денежные награды и за смотры», без записей.

¹⁷ Таблица «Детское пособие, квартирные деньги», расчеты в столбик на полях.

¹⁸ Таблица «Запасный листок».

- 13 — в сторожевой охран(е)
- 14 Сент перех(од) обратно р. Висл(ок)
- 15 Переход обратно
- 16 т(о же) —
- 17 т(о же) —
- 18 — перех(од) Сандомир
- 19 — дневка окопы рыли
- 20 дневка окопы рыли
- 21 Бой //

л. 8 ¹⁹ Прокопию Никифорову
Адрес:
Карпогорское п(очтово)-т(елеграфное) отд(еление)
Архангельской губ(ернии) Пинежскаго уѣзда
село Ваймужское
Серафимъ Прокопьевнѣ Никифоровой //

л. 8 об. ²⁰ ПЛѢН —
21-го Сент(ября) был бой под гор(одом) Опатовым, Радомской губ(ернии), на позиции находились 1, 3й, 4й Л(ейб)-Гв(ардии) Стр(елковый) пол(к), в резер(ве) 2-й пол(к) Л(ейб)-Гв(ардии) и на позиции 2 Арм(ейская) стрѣл(ковая) бригада,

Огонь открыт нашей артиллер(ией) в 6 час(ов) утр(а) 21 Сент(ября), к полудн(ю) бой разыгрался и со стороны Германской армии которых было 3 корпуса; не имѣя возможности держаться нашим войскам было приказано отступать, т. к. неприятель окружает нас с 3-х сторон, подкрѣплений с нашей стороны не было при чем обѣ стрѣлковые бригады были разбиты неприятелем //

л. 9 Бѣжали кто как мог спасался — в этом послѣднем для меня бою я был ранен в правую ногу повыше колѣна на вылет. Изливаясь кровью я попросил своего взвод(ного) Казанцева сдѣлать мнѣ перевязку, но он отвѣт(ил), что тут вон в лѣсу, но и тут ничего не сдѣлал, так и прошел. довольно времени, гдѣ мнѣ по приказанию г(осподина) офицера 4 Л(ейб)-Гв(ардии) стр(елкового) полка была сдѣлана их полка фельдшером первая перевязка и тут же

¹⁹ Таблица «Жалованье, аммуничные и сапожные деньги», запись карандашом поперек листа.

²⁰ Здесь и далее записи не зависят от печатных таблиц книжки.

недалеко меня отвѣли в польскую (деревню и помѣстили в — *вставлено*) хату, гдѣ (которую — *вставлено*) конечно неприятель занял, а вмѣстѣ (?) с (нрзб) и всѣх находящихся в ней г(оспод) офиц(еров) и ниж(них) чинов, там (?) с этого дня нахожусь уже в плѣну; утр(ом) 22 Сен(тября) зашел в хату герм(анский) солд(ат) и тут же я был взят и отвѣден на перевяз(очный) пункт к сахарному заводу в имѣние Влащево (?) тут осмотрен германским доктор(ом) котор(ый) относился //

весьма хорошо и внимательно ко всѣм больным, а также и Герм(анские) л. 9 об. солд(аты) относились хорошо

23 отправили в гор(од) Опатов в лазарет гдѣ перевязки не было, а 25 рано утром отправили нас раненых на подводах в Германию, в которую мы прибыли 28 Сен(тября) в воскресенье в этот же день разбили нас поротно, наши рота назывались их компании, дали пить по чашкѣ кофе, а потом уже по 1 ф хлѣба и по чашкѣ супу, обѣд, перевязку раненым дѣлали (29, и без всякаго на это внимания помѣщение холодное, что для раненых отзывалось неудобством

30 и 1 окт(ября) разбивали повзводно была неусыпная путаница и со стороны казалось посмѣшней

1 ок(тября) сдѣл(али) перевязку, всѣ эти дни прошли разнообразно, 2-е окт(ября) прошло спокойно, ни каких выстроений кромѣ кофе (?) и обѣд не было, а их коли всѣ своих (нрзб) развѣдчиков (?), вино (?)

3-е окт(ября) прошло однообразно, как всегда. 4 окт(ября) прививали всѣм оспу в том числѣ и мнѣ //

4 Октября суббота, о (?) 5 воскресенья в 7 час(ов) утр(а) выстроили л. 10 и выдали для питья кофе, но только без сахара, а потом для провѣрки людей, оказались всѣ на мѣсте

Сегодня двѣ недѣли плѣну —

4-го окт(ября) в первый раз раздалось пѣние православ(ных) воинов пѣние молитвы Отче наш, Спаси Господи и Воскресени(е) Христ(ово) видѣвше. — Днем видно было как нѣмцы привязывали к столбу виновных и как стегали плѣтью — за воровство. Обѣд был весьма поздно.

Вечером пѣли молитву, фельфебелю Германии понравилось, попросил еще раз пропѣть что было исполнено, а он в свою очередь остался доволен —

6-го утро тоже самое, днем давали колбасы по кусочку —

7-го ходил на перевязку в лазарет — послѣ все тоже, что и прошлые дни —

8-го дождь. Утром чай — , обѣд и 1 селедки,

9 дождь, (утро тоже что и прошлые дни — *вставлено*) 1 взвод ходил на работу в город и около штаба плѣнных —

10 тоже, что и прошлые дни, рота вся ходила на работы, я ходил на перевязку, прекратили выдачу чая вечером [2] 3 день

(9 и 10 компании — *вставлено на полях*) //

л. 10 об.

Чай прекратили вечером с 8 окт(ября)

Уменьшили дачу порции

Интересно отмѣтить, как выдавали масло плѣнным 3 ½ (?) ведра на роту дали а фельдфебель дал по самому ничтожному кусочку, а сам с переводчиками и взводными съѣли чуть не цѣлое ведро, и как еврей переводчик поспорили с одним ст(аршим) у(нтер)-оф(ицером), распространяя свою власть, что я говорит тебѣ начальник, и как пришел нѣмец и разобрался в дѣлах этих

11 Окт(ября) по старому обычаю на работу не ходили

12 тоже — 13 — ходил на перевязку — 14 — давали колбасы, 15 — давали колбасы — 16 — холодно и мелкий град и дождь — 17 — холодно 18 — тоже — 19 — ходил на перевязку 20 — провел хорошо, обѣд хороший рано вечером мариванная (так! — Т. Г.) селедка 21 — по обычаю

²¹22 был у Алек(сандра) Егор(овича) Щеп(откина) провел в скуки, вспоминая прошлое, 23—24—25—26—27—28 и 29 по прошлому, только одно, что 12 (?) чел(овека) заявили себя больными и врач их не признал, оставили их без хлѣба но хлѣб на их получили и подѣлили между собою госп(ода) взводныя и жидаы переводчики и сами поѣли, а они были голодными, и как один нѣмец ударил прикладом одного по //

л. 11

шеѣ (?) плѣнного, что тот сразу же поступил в лазарет унесли его на носилках — давали марированную селедку раз

²²30 и 31 — по обыкновению; 1 ноября был болен а так же и 2 — недомогал с 2 по 3-е напал снѣг, еще замѣтно было и на 2-е, 3 — суп гречневый все время носятя слухи об мирѣ — но насколько онѣ вѣрны, утвердительно ни кто не знает — 4 — холодно и снѣг

с 4 по 5 напал снѣг и мороз

6 — холодно — 7 — тоже и снѣг наступили холода а вмѣстѣ с этим и нам холод и голод для несчастных отцов, сыновей и сирот положение весьма трудное и печальное, пищи и хлѣба весьма мало, помѣщение холодное,

²¹ Фиолетовый карандаш.

²² Серый карандаш.

шинелей нѣт, у нѣкоторых отобрали, раз в сутки получаем горячую пищу и один раз кофе без сахару; еще первое время не продавали и хлѣба, весьма относились грубо, даже ненавистно, хотѣли прямо живых вогнать в землю но крѣпок русский солдат чего он не перенесет все ему хорошо, ска //

заному ⟨?⟩ вѣрит, пошли куда послушно⟨?⟩ идет, все исполнит без малейшаго замедления. Сегодня носился слух, что Познань взята нашими войсками. 8 — ноября Михайлов день — праздник всѣх православных христиан — вспоминаю прошлое — дѣлю время с Александром Егор(овичем) Щепоткиным остальное все по-старому положению; с утра гоняли на прогулку, для того это сдѣлали, чтобы люди не болѣли, а сами не подумали, что хлѣба малое количество дают, а так-же и пищи; сегодня холодно и снѣг; из сдѣшних разговоров слышно что в это время не помнят таких морозов, как нынче

прекратились вести дневные ⟨?⟩ //

обѣд поздно сегодня

л. 12

9—10—11—12 — холодно — с 12—13 напал снѣг день красивый, память моего креснаго 13 ноября нас перемѣстили из одного барака в другой, выгнали на улицу в 7 час(ов) утра при морозѣ и снѣгѣ и держали таким образом до 11 ½ час(ов) дня, до обѣда, потом помѣстили в холодный барак, с устройством нар для людей — обѣд в 11 ½ ч(асов)

13—14 — заговѣнье — заговѣлись коркой черного хлѣба

С 15 по 21 — Введение во храм Пр(есвятой) Богор(одицы) провели весьма скучно, пѣли, что знали, невольно блеснули слезы, когда услышали пѣние «Христос рождается, славите» — судить идет Господь

этот день встрѣтитъ дома в кругу родных и матушки России — , обѣд в 2 ½ часа дня

слышны слухи, что Германская армия окружена, и предложено сдать в плѣн или же биться до послѣднего — срок дан будто бы до 10 числа Декабря новаго стилия, т. е. до 28 Ноября. 22 — холодно 23 — тоже 24—25 — тепло ⟨нрзб⟩²³ //

⟨нрзб⟩²⁴ праздник, освобождены от работы, моление, а нашему православному нѣт ни праздника ни будня, все равно, как насмѣшка над нами,

²³ Половина последней строки не читается.

²⁴ Несколько букв в начале строки утрачено.

²⁵начало Декабря разнообразно, 6 Декабря праздник, пѣли по своему обычаю праздничныя пѣсни, — церковныя, с 9 на 10-е напал снѣг, на их рождество, 12 декабря их рождество, накануне зажжена была елка, украшена одними электрическими лампочками, играла их музыка, пѣли их пѣвчие — музыканты, потом наши, наши пѣли еще молитвы, как все равно насмѣшка над русскими людьми

12 — утром попивши кофе //

л. 13 вдруг прибѣгает переводчик и говорит, чтобы всѣ немедленно выходили строится (так! — Т. Г.), и сдавали всѣ казенныя вещи, выдали по полухлѣбу на каждого, а пообѣдать не дали, и тотчас же отправили на станцию, переводили в другой лагерь, в гор. Графенвер — Бавария

13 приѣхали — в новое мѣсто, с 13 по 25 погода переменная, снѣг стоял и опять новый напал, пришло и наше рождество, на один день только освободили и то нѣсколько раз выгоняли на улицу, вечером 24 — пѣли мы молитвенныя рождественскія пѣснопѣнія, а вечером французы устроили ма //

л. 13 об. ленькую елку, пѣли гимн, но я тут не участвовал, потому, что вечером, под праздник, по христианскому обычаю не полагается и весьма не прилично, в самый праздник собрались и пѣли из утрени и литургии и молебна нѣкоторыя пѣснопѣнія, улучшения пищи не какой не было, нѣ достойны этого русские люди, праздник провели скучно и весьма грустно, вспоминая своих родных и знакомых но вспоминали-ли //

л. 14 они об нас несчастных, время проходит скучно, подѣлили между собою, и нашлись товарищи — приятели мои братья Кузнецовы — Михаил и Сергѣй Димитриевы, наконец-то и наступил и конец старого года, вечером пѣли молитвы из всенощной и молебны, а утром — из литургии и молебна — , вот тебѣ и новый год и новое счастье —

30 Декабря водили в баню всего на 15 минут мытья, бани их дождики, не такія, как у нас в Руси святой, мылся в Варшавѣ 18 августа и 30 Декабря в Германии в гор(оде) Графенвер. //

л. 14 об. так закончили мы старый год, а что Бог даст в новом, ждем возвращения на родину в Россию — , послѣдний день старого году был прекрасный — солнечный — //

²⁵ Фиолетовый карандаш.

²⁶ Петроград, 13 (?)

л. 15

53 кв(артира) 6

Григорию Васильевичу Нифантьеву

²⁷ Г. Чернь, Тульской губ(ернии) Земскому почтарю Сошникову, сельцо Моховое, огороднику

²⁸ Г. Чернь, Тульской губ(ернии) Земскому почтарю Сошникову, сельцо Моховое огороднику Михаилу и Сергѣю Дмитриевым Кузнецовым //

⟨нрзб⟩²⁹ и адрес на родину

л. 15 об.

Карпогоры п(очтово)-т(елеграфное) отд(еление)

Архангельской губ(ернии) Пинежскаго уѣзда село Ваймуша

Серафимы Прокопьевны Никифоровой или Ивану Николаевичу Никифорову II-му //

³⁰ //

л. 16

³¹ Адрес Лопатина Г. Рѣчица Минской г(убернии) О(тцу) Протоиерею Иосифу Ребцеевичу, для передачи дер(евни) Озерщины Афанасию Лопатину //

л. 16 об.

Литература

Абрашитов — *Абрашитов Э. Е.* О социальной ностальгии российских военнопленных в Первой мировой войне // Социологические исследования. 2006. № 4. С. 131–135.

Аксенов — *Аксенов В. Б.* Слухи, образы, эмоции: Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020. 992 с.

Воззвание бежавших — Воззвание бежавших из плена солдат и офицеров // Свет и тени Великой войны: Первая мировая в документах эпохи. М.: РОССПЭН, 2014. С. 305–307.

Друзин — *Друзин М. В.* Два дневника генерал-лейтенанта Николая Афанасьевича Обручева // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 3. С. 196–219.

Записная книжка — Записная книжка нижних чинов. Петроград: Тип. Т-ва «Свет», 1915. 64 с.

Иминов — *Иминов В. Т.* Варшавско-Ивангородская операция // Первая мировая война: Энциклопедический словарь. М.: Весь мир, 2014. С. 142–143.

Комелина — *Комелина Н. Г.* «Патриотическая мистификация» Зинаиды Гиппиус // Первая мировая война в устном и письменном творчестве русского кре-

²⁶ Серый карандаш.

²⁷ Фиолетовый карандаш.

²⁸ Серый карандаш.

²⁹ Верхний угол листа утрачен.

³⁰ Лист без записей.

³¹ Запись на листе сделана чернилами.

- стьянства: Новые материалы из собраний Пушкинского Дома. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2014. С. 510–547.
- Корсак — *Корсак (Завадский) В. В.* Плен. Забытые // Забытая война: Сб. ист.-лит. произведений. М.: Посев, 2011. 464 с.
- Кудрявцев, Соколов 2014 — *Кудрявцев А. Н., Соколов А. В.* В окопах и в плену: солдатский дневник времен Первой мировой войны // Запад — Восток: Науч.-практ. ежегодник. 2014. № 7. С. 136–152.
- Кудрявцев, Соколов 2016 — *Кудрявцев А. Н., Соколов А. В.* В окопах и в плену: солдатский дневник времен Первой мировой войны (продолжение) // Запад — Восток: Науч.-практ. ежегодник. 2016. № 9. С. 163–180.
- Молостова — *Молостова Е. В.* Солдатские письма. Казань: Литотип. «Умид», б. Харитонова, 1917. 98 с.
- Нагорная 2007 — *Нагорная О. С.* Русские военнопленные в Первой мировой и Гражданской войнах: другой военный опыт // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 534–552.
- Нагорная 2010 — *Нагорная О. С.* «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М.: Новый хронограф, 2010. 440 с.
- Нарский — *Нарский И. В.* «Я как стал средь войны жить, так и стала мне война, что дом родной»: фронтовой опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 488–502.
- Первая мировая война в зеркале эго-источников — Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 415 с.
- Первая мировая война в устном и письменном творчестве — Первая мировая война в устном и письменном творчестве русского крестьянства: Новые материалы из собраний Пушкинского Дома. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2014. 579 с.
- Письма с войны — Письма с войны, 1914–1917 / Сост., коммент. и вступ. ст. А. Б. Асташова и П. А. Симмонса. М.: Новый хронограф, 2015. 800 с.
- Поршнева — *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.
- Савельев, Савельева 1992 — *Савельев А. А., Савельева Н. В.* Пинежская экспедиция 1988 г. // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 1992. Т. 45. С. 456–460.
- Савельев, Савельева 2005 — Пинежская книжно-рукописная традиция XVI — начала XX в.: Опыт исследования. Источники: В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. Т. 2: Савельев А. А., Савельева Н. В. Описание старопечатных изданий XV — нач. XX в. Указатели. 322 с.
- Савельев, Савельева 2006 — *Савельев А. А., Савельева Н. В.* «Я солдат, не богослов...» (солдатская служба XIX — нач. XX в. в письмах, заметках и воспоминаниях пинежских крестьян) // Фольклор, постфольклор, быт, литература: Сб. ст. к 60-летию А. Ф. Белоусова. СПб.: СПбГУКИ, 2006. С. 131–149.
- Савельева 1994 — *Савельева Н. В.* Библиотека пинежан Поповых // Книжные центры Древней Руси. XVII век: Разные аспекты исследования. СПб.: Наука, 1994. С. 266–314.

- Савельева 2003 — Пинежская книжно-рукописная традиция XVI — начала XX в.: Опыт исследования. Источники: В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1: Савельева Н. В. Очерк истории формирования пинежской книжно-рукописной традиции. Описание рукописных источников. 721 с.
- Сенявская 1997 — *Сенявская Е. С.* Человек на войне: Историко-психологические очерки. М.: ИРИ РАН, 1997. 209 с.
- Сенявская 2013 — *Сенявская Е. С.* Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны: очерк повседневной реальности // Вестник РУДН: История России. 2013. № 1. С. 64–83.
- Стюарт — *Стюарт В.* «Военные мемуары павших»: роль письма и памяти в Первой мировой войне // Август, XX век: Трансформация жизни частного человека в эпоху социальных катаклизмов: Коллективная монография. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 1. С. 294–307.
- Успенский — *Успенский А. А.* На войне. В плену: Воспоминания. СПб.: Лимбус Пресс, 2015. 448 с.
- Чаадаева — *Чаадаева О.* Солдатские письма в годы мировой войны (1915–1917 гг.) // Красный архив. М., 1934. Т. 4–5 (65–66). С. 118–163.
- Чуковский — *Чуковский К.* Заговорили молчавшие! (англичане и война). 3-е изд. Пг.: Изд-во Т-ва А. Ф. Маркс, 1916. 187 с.
- Bloch — *Bloch M.* Réflexions d'un historien sur les fausses nouvelles de la guerre // Revue de synthèse historique. 1921. № 33. P. 13–35.
- Müller — *Müller G.* Das Kriegsgefangenenlager Grafenwöhr — zu Beginn des Ersten Weltkrieges größtes Gefangenenlager Bayerns // Historischer Verein für Oberpfalz und Regensburg. 1988. Vol. 128. P. 265–273.

References

- Abdrashitov, E. E. (2006). 'O sotsial'noi nostalgii rossiiskikh voennoplennykh v Pervoi mirovoi voine', *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 4, 131–135.
- Aksenov, V. B. (2020). *Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroeniya rossiyan v gody voiny i revolyutsii (1914–1918)*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 992 p.
- Astashov, A. B., Simmons, P. A., eds. (2015). *Pis'ma s voiny 1914–1917*. Moscow: Novyi Khronograf, 800 p.
- Bloch, M. (1921). 'Réflexions d'un historien sur les fausses nouvelles de la guerre', *Revue de synthèse historique*, 33, 13–35.
- Chaadaeva, O. (1934). 'Soldatskie pis'ma v gody mirovoi voiny (1915–1917 gody)', *Krasnyi arkhiv*. Vol. 4–5 (65–66), 118–163.
- Chukovskii, K. (1916). *Zagovorili molchavshie! (anglichane i voina)*. 3rd ed. Petrograd: Izdatel'stvo Tovarishchestva A. F. Marks, 187 p.
- Druzin, M. V. (2022). 'Dva dnevnika general-leitenanta Nikolaya Afanas'evicha Obrucheva', *Dva veka russkoi klassiki*. Vol. 4, 3, 196–219.
- Iminov, V. T. (2014). 'Varshavsko-lvangorodskaya operatsiya', in: *Pervaya mirovaya voina. Entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow: Ves' Mir, 142–143.
- Komelina, N. G. (2014). "Patrioticheskaya mistifikatsiya" Zinaidy Gippius', in: *Pervaya mirovaya voina v ustnom i pis'mennom tvorchestve russkogo krest'yanstva. Novye materialy iz sobranii Pushkinskogo Doma*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Pushkinskii Dom", 2014, 510–547.

- Korsak (Zavadskii), V. V. (2011). 'Plen. Zabytye', in: *Zabytaya voina: sbornik istoriko-literaturnykh proizvedenii*. Moscow: Posev, 464 p.
- Kudryavtsev, A. N., Sokolov, A. V. (2014). 'V okopakh i v plenu: soldatskii dnevnik vremen Pervoi mirovoi voiny', *Zapad — Vostok. Nauchno-prakticheskii ezhegodnik*, 7, 136–152.
- Kudryavtsev, A. N., Sokolov, A. V. (2016). 'V okopakh i v plenu: soldatskii dnevnik vremen Pervoi mirovoi voiny (prodolzhenie)', *Zapad — Vostok. Nauchno-prakticheskii ezhegodnik*, 9, 163–180.
- Molostvova, E. V. (1917). *Soldatskie pis'ma*. Kazan': Lito-tipografiya "Umid", b. Kharitonova, 98 p.
- Müller, G. (1988). 'Das Kriegsgefangenenlager Grafenwöhr — zu Beginn des Ersten Weltkrieges größtes Gefangenenlager Bayerns', *Historischer Verein für Oberpfalz und Regensburg*. Vol. 128, 265–273.
- Nagornaya, O. S. (2007). 'Russkie voennoplennye v Pervoi mirovoi i Grazhdanskoi voynakh: drugoi voennyi opyt', in: *Opyt mirovykh voyn v istorii Rossii*. Chelyabinsk: Kamennyyi poyas, 534–552.
- Nagornaya, O. S. (2010). *"Drugoi voennyi opyt": rossiiskie voennoplennye Pervoi mirovoi voiny v Germanii (1914–1922)*. Moscow: Novyi khronograf, 440 p.
- Narskii, I. V. (2007). "'Ya kak stal sred' voiny zhit', tak i stala mne voina, chto dom rodnoi": frontovoi opyt russkikh soldat v "germanskoi" voine do 1917 goda', in: *Opyt mirovykh voyn v istorii Rossii*. Chelyabinsk: Kamennyyi poyas, 488–502.
- Pervaya mirovaya voina v ustnom i pis'mennom tvorchestve russkogo krest'yanstva. Novye materialy iz sobranii Pushkinskogo Doma* (2014). Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Pushkinskii Dom", 579 p.
- Pervaya mirovaya voina v zerkale ego-istochnikov: praktiki opisaniya* (2019). Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 415 p.
- Pinezhskaya knizhno-rukopisnaya traditsiya XVI — nachala XX veka. Opyt issledovaniya. Istochniki. 2 vols.* Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 1. Saveleva, N. V. (2003). *Ocherk istorii formirovaniya pinezhskoi knizhno-rukopisnoi traditsii. Opisaniye rukopisnykh istochnikov*. 721 p. Vol. 2. Savelev, A. A., Saveleva, N. V. (2005). *Opisaniye staropechatnykh izdaniy XV — nachala XX veka. Ukazateli*. 322 p.
- Porshneva, O. S. (2004). *Krest'yane, rabochie i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 368 p.
- Savelev, A. A., Saveleva, N. V. (1992). 'Pinezhskaya ekspeditsiya 1988 goda', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 45, 456–460.
- Savelev, A. A., Saveleva, N. V. (2006). "'Ya soldat, ne bogoslov...'" (soldatskaya sluzhba XIX — nachala XX veka v pis'makh, zametkakh i vospominaniyakh pinezhskikh krest'yan)', in: *Fol'klor, postfol'klor, byt, literatura: Sbornik statei k 60-letiyu A. F. Belousova*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet kul'tury i iskusstv, 131–149.
- Saveleva, N. V. (1994). 'Biblioteka pinezhan Popovykh', in: *Nizhnyye tsenry Drevnei Rusi. XVII vek. Raznye aspekty issledovaniya*. Saint Petersburg: Nauka, 266–314.
- Senyavskaya, E. S. (1997). *Chelovek na voine. Istoriko-psikhologicheskie ocherki*. Moscow: Institut rossiiskoi istorii Rossiiskoi akademii nauk, 209 p.
- Senyavskaya, E. S. (2013). 'Polozhenie russkikh voennoplennykh v gody Pervoi mirovoi voiny: ocherk povsednevnoi real'nosti', *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Istorija Rossii*, 1, 64–83.

- Styuart, V. (2014). "Voennye memuary pavshikh": rol' pis'ma i pamyati v Pervoi mirovoi voine', in: *Avgust, XX vek: Transformatsiya zhizni chastnogo cheloveka v epokhu sotsial'nykh kataklizmov. Kollektivnaya monografiya*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. Vol. 1, 294–307.
- Uspenskii, A. A. (2015). *Na voine. V plenu: Vospominaniya*. Saint Petersburg: Limbus Press, 448 p.
- 'Vozzvanie bezhavshikh iz plena soldat i ofitserov' (2014), in: *Svet i teni Velikoi voiny. Pervaya mirovaya v dokumentakh epokhi*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 305–307.
- Zapisnaya knizhka nizhnikh chinov* (2015). Petrograd: [s. n.], 1915. 64 p.